

А. С. Зиновьев, Н. Л. Туров, А. В. Голиков

ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПОЛЬШИ¹

Разносторонний процесс социально-политического транзита начался в Польше, равно как и в других странах Центрально-Восточной Европы, в 1989 г. с распадом мировой социалистической системы. Постепенно стала формироваться новая региональная география, появились города и районы, которые можно назвать «победителями» и «проигравшими» от постсоциалистической трансформации. Изменения в пространственной структуре польского общества были результатом внутренних системных преобразований, перекрывающихся с преобразованием мировой экономической системы. Межрегиональные различия в Польше различимы в двух измерениях: западные — восточные регионы и крупнейшие городские агломерации — сельские районы. Данное исследование позволило выявить социо-культурные детерминанты избирательного поведения в Польше. Было показано, что скорость институциональных и экономических преобразований высока и эти колебания заставляют избирателей корректировать свои политические предпочтения под новую формальную систему. Однако, изменяя свои предпочтения, избиратели демонстрируют идеологическую устойчивость своих политических пристрастий. Эта стабильность проявляется в воспроизводстве массовых баз поддержки кандидатов в президенты от двух ведущих партий — «Право и справедливость» и «Гражданская платформа» — и, что ещё более важно, в пространственной ценностно-идеологической ориентации, демонстрирующей западно-восточный градиент раскола в сознании избирателей. Отдельно в работе проанализирован феномен Верхней Силезии и сделан вывод, что в процессе сложной политико-географической истории развития региона сложилась специфическая система ценностей, которая сформировала здесь особую региональную политическую культуру.

Ключевые слова: *постсоциалистические изменения, политико-географическая структура, транзит, евроинтеграция, западно-восточный градиент, избирательное поведение, Польша, Верхняя Силезия.*

Введение и постановка проблемы. Конец XX — начало XXI вв. были отмечены значительными изменениями в социально-экономическом и политическом развитии стран Центрально-Восточной Европы (в т. ч. Польши). Детерминантой данных трансформаций выступили три ключевых процесса:

- структурные трансформации в мировой экономике и, как следствие, в обществе (переход на 5-й цикл Кондратьева);
- системная трансформация от административно-командной экономики к рыночной и от тоталитарного политического режима к демократическому;
- вступление в международные интеграционные группировки (в первую очередь, ЕС и НАТО).

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта №17-37-01009.

Каждый из этих процессов имеет множество измерений, в т. ч. и пространственное. Постепенно происходившие изменения стали причиной заметных сдвигов в обществе и сформировали его новую пространственную структуру с «победителями» и «проигравшими» от трансформаций. Отрыв регионов-лидеров Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) от отстающих по показателю ВРП на душу населения по ППС (Праги и Брагиславского края от румынских и болгарских) составлял 7,4 раза в 2004 г. и 6,2 раза в 2014 г. [10]. Как и для большинства постсоциалистических стран, для Польши ключевыми факторами политического раскола в начале транзита стали отношение к коммунистическому прошлому страны и «шоковые» экономические реформы, повлёкшие за собой рост безработицы. Нарастающий социально-экономический раскол между регионами не мог не отразиться и на электоральном процессе, ставшим по сути своеобразной инновацией для стран, долгий период времени существовавших при однопартийном политическом режиме. Во многом модели избирательного поведения поляков в 90-е гг. XX в. определялись тем, кого они обвиняют в усугубившихся экономических проблемах (коммунистов, которые «довели страну до такого состояния», или либералов-реформаторов, «разрушивших сложившуюся систему») [19].

Различные аспекты трансформации постсоциалистических стран рассмотрены в многочисленных трудах сотрудников Института экономики РАН и Института Европы РАН (см., например, [3; 9; 11; 12; 17; 18]). Социально-экономические особенности транзита в своих работах анализирует географ М. В. Свиридова. Она выделяет три подгруппы стран с разной степенью успешности реформ: южная (республики бывшей Югославии), перешедшая к новому политическому устройству путём военных потрясений, и поэтому имевшая самые высокие в регионе темпы инфляции и уровень безработицы; северная (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия), где политические и экономические реформы проходили быстро и успешно; промежуточная (Болгария и Румыния) [14]. Британский профессор Дэвид Лэйн выделяет два возможных маршрута постсоциалистических трансформаций: интеграция стран ЦВЕ в мировую экономику путём вхождения в состав Европейского Союза (ЕС) и образование Содружества Независимых Государств (СНГ). Неодинаковый характер структурных изменений по двум маршрутам объясняется различиями в механизмах экономической координации, организации политической власти и интеграции стран в мировой экономический порядок [5].

Политолог И. Н. Тарасов называет неопределённость системным признаком постсоциалистической трансформации при выборе формы правления новых государств. Он отмечает, что лишь польская модель полупрезидентской республики демонстрирует приближение к искомому балансу институтов, но даже она не гарантирует, хотя и существенно снижает, риск возникновения институциональных конфликтов. В остальных рассмотренных автором случаях сложились парламентские системы, где возможные конфликты по преимуществу перенесены с уровня межинституциональных во внутрипарламентские [16].

Непосредственно Польше также посвящён ряд публикаций. Известный экономист А. В. Кузнецов проследил эволюцию региональной экономической политики Польши на фоне административной реформы и встраивания страны в структуры ЕС. Автор отмечает характерную для большинства постсоциалистических стран ориентацию на внешние ресурсы, стимулы для бизнеса на иностранные компании, что в результате приводит к буму иностранных инвестиций лишь в наиболее крупных городах [4].

А. Липинский проанализировал польскую партийную систему в условиях посткоммунизма. Ключевой особенностью польской партийной системы автор называет специфику деления на «левых» и «правых», которая в течение долгого времени была основана на отношении к коммунистическому прошлому, биографии и институциональной принадлежности элиты переходного периода. Однако он обращает внимание, что с 2005 г. постепенно возрастает роль экономического деления и апелляции к Смоленской катастрофе [6].

Польские исследователи также практически с самого начала транзита уделяют внимание выявлению особенностей его протекания. В монографии экономико-географа Петра Корчелли подробно освещено формирование региональных диспропорций в Польше в первые пять лет трансформации [21]. Другой экономико-географ Тереза Чыз обращает внимание на несоответствие нового административно-территориального деления существующей региональной структуре страны, отмечая, что лишь три воеводства (Мазовецкое, Великопольское и Силезское) имеют территориальную структуру, способствующую их полноценному самостоятельному социально-экономическому развитию [19]. Политологи из г. Лодзь предлагают свой взгляд на трансформацию избирательной системы в Польше и итоги парламентских выборов за период с 1989 г. [15].

В данной статье с целью выявления закономерностей изменения политико-географической структуры Польши в постсоциалистический период будут проанализированы ключевые тренды регионального развития Польши, а затем сопоставлены с итогами ключевых, по мнению авторов, польских электоральных кампаний в XXI в. (после завершения реформы административно-территориального деления). Особое внимание в работе также будет уделено специфическому самобытному историко-культурному региону Верхней Силезии и его политической ориентации.

Исследование основывается на электоральной статистике, опубликованной на официальном сайте Национальной избирательной комиссии Республики Польши [24] и данных Центрального статистического офиса Республики Польши [25].

Пространственные особенности постсоциалистического транзита в Польше. В Польше традиционно сильны региональные контрасты. 150 лет страна была разделена на три части, бывшие в составе различных политических, социальных и экономических имперских систем (России, Пруссии и Австрии). Начавшийся в Польше в 1989 г. системный транзит не только усилил существовавшие пространственные диспропорции, но и создал условия для новых региональных различий. Результатом стала всё нарастающая поляризация пространственной структуры Польши, особенно заметная по двум линиям расколов:

– слабо развитые восточные регионы — западные регионы с высоким потенциалом экономики;

– сельская местность — урбанизированные территории (в первую очередь, крупнейшие агломерации).

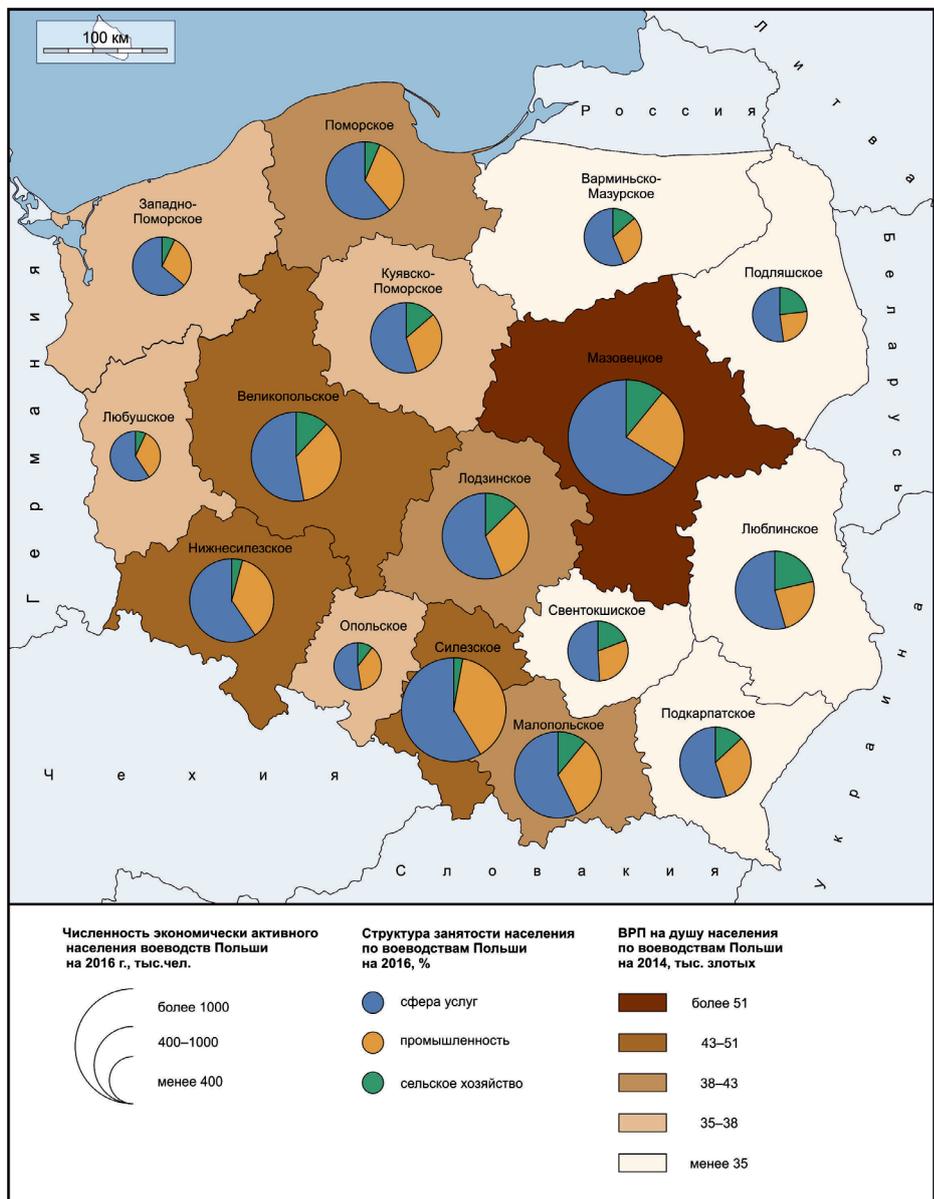
В ходе постсоциалистических структурных изменений в экономике польские регионы отреагировали на т. н. «шоковую терапию» двояко:

– вслед за общемировой тенденцией преобладанием сервисной ориентации региональных экономик на западе страны за счёт снижения занятости в промышленном производстве;

– структурным регрессом региональных экономик в восточной части страны вследствие их сельскохозяйственной переориентации. Высвобождение рабочей силы

из-за развала многих промышленных предприятий сопровождалось возвратной миграцией значительной части населения в сельскую местность в свои небольшие семейные хозяйства.

Пространственные различия в структуре занятости по основным секторам экономики представлены на рис. 1. На картосхеме можно заметить, что в некоторых воеводствах доля занятых в сельском хозяйстве близка к уровню высокоразвитых стран мира (Силезское — 2,6 %, Нижнесилезское — 4 %), в то время как в других она значительно выше (Подляское — 23,1 %, Люблинское — 21,4 %).

Рис. 1. Ключевые показатели развития рынка труда и ВРП на душу населения по воеводствам Польши (составлено авторами по данным Центрального статистического офиса Республики Польши)

Западно-восточный градиент в региональном развитии Польши подтверждается многими измерениями и характеризуется различными показателями, причём не только уровнем развития инженерной, транспортной и социальной инфраструктур или экономическими индикаторами (такими как ВРП на душу населения, приток иностранных инвестиций и др.), но и особенностями предпринимательской культуры, скоростью диффузии инноваций, внешней открытостью региона и местных сообществ, отношением к произошедшим в стране изменениям, результатами выборов.

Среди территорий-бенефициаров системных трансформаций особо стоит отметить главные города страны: Варшава, Познань, Краков, Вроцлав и трехградье Гданьск — Гдыня — Сопот. Они отличаются достаточно диверсифицированной экономической структурой, хорошей инфраструктурной обеспеченностью, высококвалифицированными трудовыми ресурсами, повышенной эффективностью управления, высоким уровнем предпринимательской активности, интенсивностью внешних связей, специализируются на предоставлении высококачественных услуг. Кризисные территории не имеют ни одно из этих преимуществ.

Процесс перехода на новый тип экономического развития также выделил и иные пространственные закономерности:

– сохранение и усиление чрезмерно доминирующей роли столицы. Это связано, с одной стороны, с лучшей инфраструктурой Варшавы (например, развитый авиахаб), а с другой — чрезмерным аккумулярованием экономической мощи в центрах власти, что объясняется значительной ролью лоббирования и централизацией;

– появляются новые региональные центры роста (Познань, Вроцлав, Гданьск), не связанные со старопромышленными районами. Они, в свою очередь, используют влияние традиционных лоббистов горнодобывающей, энергетической и металлургической промышленности, а также профсоюзов для сохранения своего привилегированного положения. Верхнесилезский промышленный район, несмотря на продолжающийся, частично успешный процесс его реструктуризации (с помощью инвестиций центрального правительства и ЕС), по-прежнему остаётся одним из самых проблемных регионов не только в Польше, но и всего Европейского Союза;

– проблемными регионами являются типично сельскохозяйственные воеводства на востоке страны, где фермы государственной формы собственности преобладали в коммунистический период. Низкая рентабельность сельскохозяйственного производства и глубоко укоренившийся менталитет наёмного труда препятствуют частному выкупу земель, принадлежавшую этим хозяйствам, в собственность, и большая часть этих сельскохозяйственных земель находится под паром. Кроме того сегодня это сильно депопулирующие районы с высоким уровнем безработицы.

Региональные различия в адаптации к вступлению Польши в ЕС. Польскому членству в Европейском Союзе предшествовал длительный период в 15 лет. Это срок от выражения воли к интеграции до окончательного вступления, за который произошла корректировка правовой системы страны и экономических норм в соответствии со стандартами ЕС.

Интеграция новых членов в ЕС не происходила мгновенно. В разных сферах применялись т. н. переходные периоды, например, для защиты земли и других фиксированных активов против выкупа иностранцами, постепенное достижение стандартов ЕС (например, экологических или санитарных) и ограничение занятости в некоторых западноевропейских государствах (опасения, связанные с возможным не-

контролируемым притоком трудовых мигрантов из Восточной Европы — феномен «польского сантехника»).

Подписанию договора о вступлении предшествовал национальный референдум, на котором 77,4 % избирателей (при явке в 59 %) сказали «да» членству Польши в ЕС. При волеизъявлении по аналогичному вопросу положительно ответили в Словакии — 92 %, в Литве — 91 %, в Венгрии — 84 % и в Чехии — 77 %. Однако уровень поддержки варьировал в зависимости от региона.

Во многом позитивное отношение к евроинтеграции и адаптация регионов Польши к новым социально-экономическим и политическим условиям зависели от их «внешней» открытости, т. е. от наличия соответствующего потенциала и интенсивности контактов с окружающим миром (рис 2 и 3). Прежде всего, за вступление в ЕС высказались западные территории. Вероятно, здесь играет роль эффект географической близости для населения территорий, расположенных ближе к западной границе, имеющих больше возможностей для прямых контактов, являющихся более проевропейскими и открытыми для процесса интеграции.

Наибольшая поддержка вступления Польши в ЕС была оказана в воеводствах, находившихся ранее в составе германского государства (Опольское, Силезское, Западно-Поморское, Любушское, Нижнесилезское воеводства — около 84 %). Более 30 % проголосовавших на референдуме в самых восточных воеводствах (Люблинское и Подляшское) высказались против вступления страны в ЕС. Далее ареал евроскептиков также распространяется и на другие территории, входившие в состав Российской империи до 1918 г. Аналогично высокий уровень евроскептицизма продемонстрировали и южные некогда австро-венгерские регионы (Малопольское и Подкарпатское воеводства) — 24 и 30 % соответственно.

Разрыв между востоком и западом между польскими регионами относительно их «внешней открытости» и отношения к процессу интеграции также имеет и другие детерминанты:

- политико-культурное наследие (культура «изоляциизма» имеет место в бывшей части Российской империи);
- социально-демографическая структура (более молодое население в западных регионах по сравнению с более старым и прочно укоренённым в восточных и южных воеводствах);
- более высокий уровень урбанизации на западе страны;
- уровень образования местных руководителей в западных повятах выше, чем в восточных [25].

Взаимосвязь между уровнем поддержки европейской интеграции и её детерминантами в региональном разрезе требует более глубоких исследований, что не является задачей нашей работы.

Динамика электоральных предпочтений на президентских выборах в Польше. Общественно-политическая жизнь Польши в XXI в. сопровождается жёстким идеологическим противостоянием взглядов, базирующихся на различных ценностных установках. Польское общество поделено на две группы, которые олицетворяют ключевые политические силы страны (партии «Право и справедливость» (ПиС) и «Гражданская платформа» (ГП)). На одном полюсе находятся чувство безопасности и общности, на другом — либерализм, конкурентоспособность, ассоциируемые с развитием. Отмечается также мировоззренческий раздел общества: с одной стороны

находятся сторонники усиления влияния церкви в государственной политике и личной жизни граждан, с другой — сторонники окончательного разделения религиозной и публичной сфер [2].

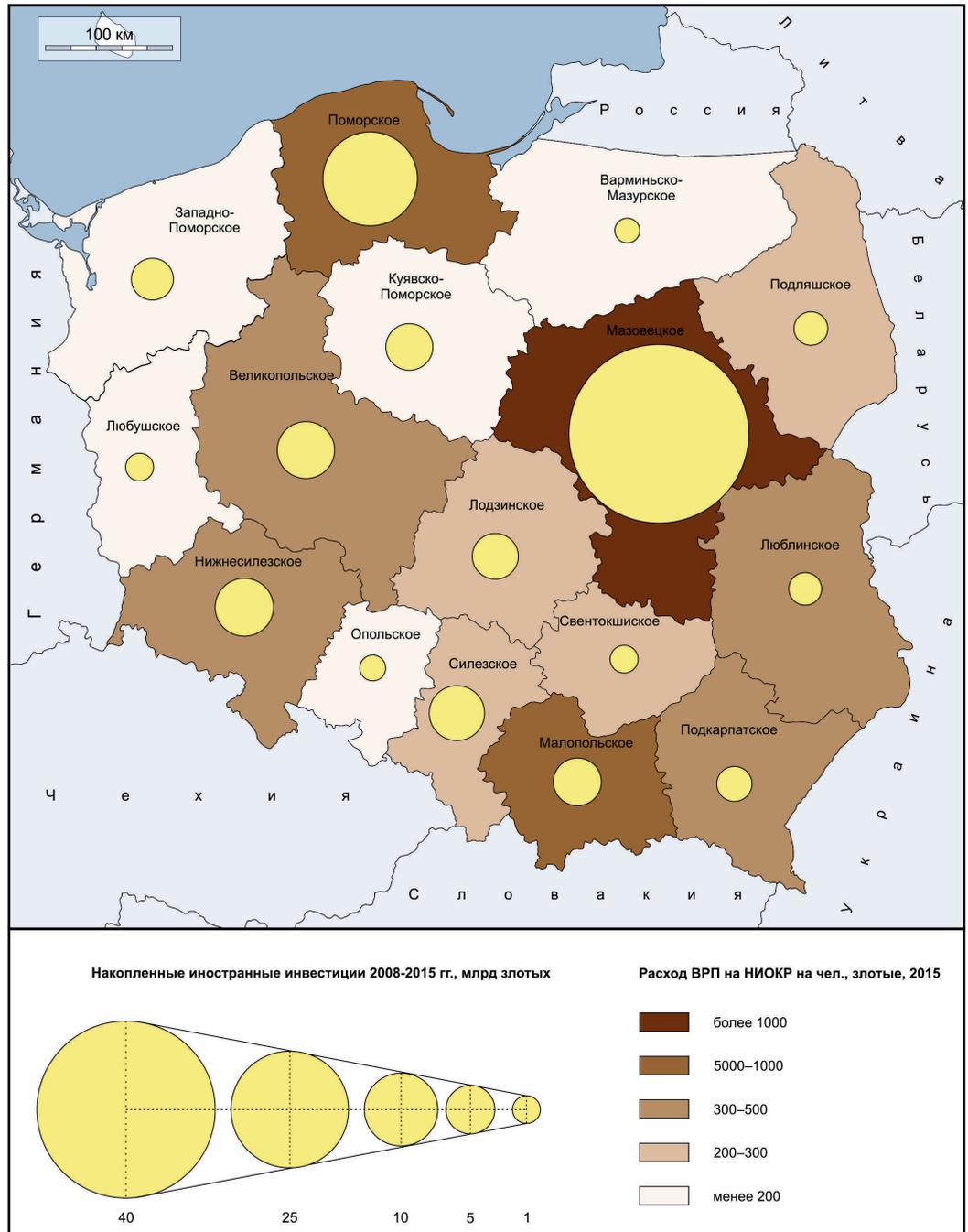
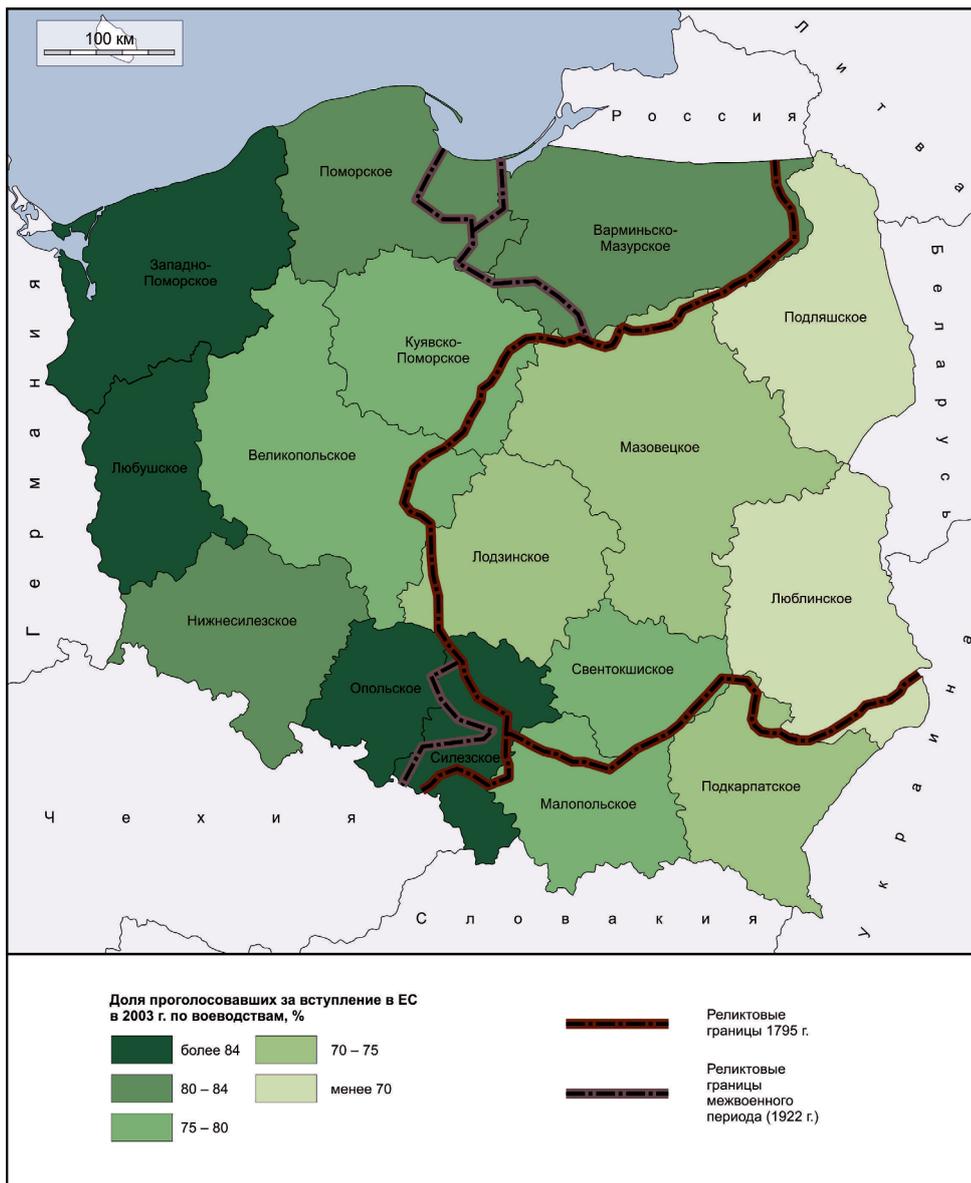

Рис. 2. Расход ВРП на НИОКР на душу населения и накопленные иностранные инвестиции по воеводствам Польши (составлено авторами по данным Центрального статистического офиса Республики Польши)

Рис. 3. Доля проголосовавших за вступление Польши в ЕС на референдуме 7–8 июня 2003 г. (составлено авторами по данным Национальной избирательной комиссии Республики Польши)

Наибольшего апогея «польско-польская война»², несмотря на парламентско-президентскую форму правления, достигает именно на президентских выборах, которые три последних раза завершались противостоянием кандидатов от ПиС и ГП во втором туре. Обе ведущие политические партии современной Польши были образованы в 2001 г., и впервые включились в борьбу за власть в электоральном цикле 2005 г.

² Термин «польско-польская война» активно используется в польских научных публикациях применительно к политическому противостоянию двух ведущих политических партий — «Право и справедливость» и «Гражданская платформа».

23 октября 2005 г. во втором туре президентских выборов победу одержал лидер ПиС Лех Качиньский (54 %), которого, в первую очередь, поддержали восточные и юго-восточные воеводства (60–70 %). Лидер ГП Дональд Туск, напротив, больше всего голосов получил на западе страны (50–58 %).

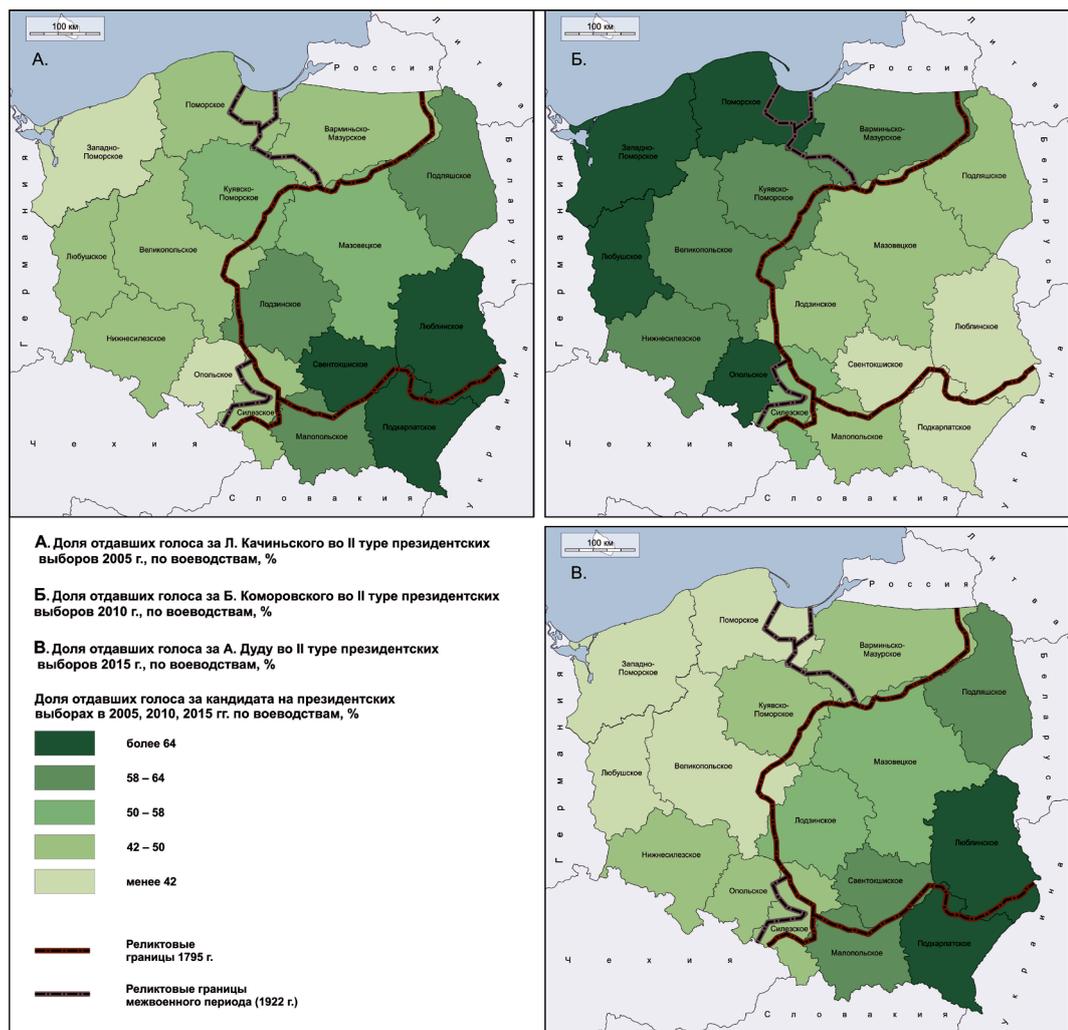
23 октября 2005 г. во втором туре президентских выборов победу одержал лидер ПиС Лех Качиньский (54 %), которого, в первую очередь, поддержали восточные и юго-восточные воеводства (60–70 %). Лидер ГП Дональд Туск, напротив, больше всего голосов получил на западе страны (50–58 %).

Следующие выборы президента Польши прошли досрочно в связи с трагическими событиями под Смоленском, когда в авиакатастрофе погиб президент страны Лех Качиньский с супругой и значительная часть политической элиты страны, летевшие на траурные мероприятия в Катынь. Это обострило и без того непростую политическую ситуацию в Польше. Именно на этом фоне прошли президентские выборы, где 4 июля 2010 г. во второй тур вышли кандидат от ПиС брат-близнец покойного президента экс-премьер-министр Ярослав Качиньский и кандидат от ГП маршал сейма Бронислав Коморовский. Победу на выборах с перевесом немногим более чем 1 млн голосов одержал Б. Коморовский. Наибольшую поддержку он получил, как и ранее Д. Туск, в западных воеводствах (более 60 %), а Я. Качиньский вслед за братом на востоке и юго-востоке страны, в первую очередь, в Подкарпатском (65 %) и Люблинском (63 %) воеводствах.

Западно-восточный градиент политико-географической напряжённости сохранился и по результатам последних президентских выборов, когда во второй тур вновь вышли кандидаты от ПиС и ГП (депутат европарламента Анджей Дуда и действующий президент Б. Комаровский). 24 мая 2015 г. президентом был избран А. Дуда с самым небольшим перевесом победившего кандидата в истории президентских выборов в Польше (около 500 тыс. голосов). Победившего кандидата от ПиС вновь поддержали восточные и юго-восточные воеводства (60–70 %), а Б. Комаровский набрал свыше 50 % на западе страны.

Пространственная структура электоральных предпочтений жителей Польши в рамках трёх последних президентских кампаний повторила аналогичную на референдуме о вступлении в ЕС (рис. 4). Таким образом, политико-географическая структура Польши закрепились в расколе запада и востока страны, которых отличают во многом противоположные ценности, нашедшие своё отражение как в социально-экономических различиях, так и в политико-культурном своеобразии данных территорий, уходящие своими корнями, по-видимому, в историю раздельного существования на протяжении 150 лет.

Верхняя Силезия как особый политико-культурный регион. Польша является одним из самых моноэтнических государств Европы, где по данным переписи 2011 г. только 3 % населения можно отнести к этническим меньшинствам. Практически полное отсутствие других этносов можно объяснить истреблением населения во время оккупации Германией (особенно еврейского населения) и послевоенная политика Польши по «реполонизации» (возвращение немцев в Германию, переселение украинцев) [4]. Крупнейшими национальными меньшинствами Польши помимо немцев, украинцев и белорусов (преимущественно проживающих в приграничных с «материнским» государством повятах) являются народности, отличающиеся этнолингвистической спецификой, такие как силезцы и кашубы, которых в Польше

Рис. 4. 4-А. Доля проголосовавших за Л. Качиньского во II туре президентских выборов 2005 г.;

4-Б. Доля проголосовавших за Б. Коморовского во II туре президентских выборов 2010 г.;

4-В. Доля проголосовавших за А. Дуду во II туре президентских выборов 2015 г.

(составлено авторами по данным Национальной избирательной комиссии Республики Польши)

считают субэтносамися поляков. Представители этих народностей часто предъявляют требования о национально-культурной автономии. Наиболее сильны подобные настроения у силезцев.

Вопрос о политико-географическом феномене силезского региона не является новым, его особенности исследовал ещё американский географ Ричард Хартшорн в 30-е гг. XX в. [20].

Сегодня традиционно говорят о трёх основных вариантах идентичности среди жителей Силезии. Первые — собственно те, кто считает себя поляками. Вторые считают себя силезским субэтносом поляков или даже национальным меньшинством, культурно отличным от поляков и немцев (в первую очередь, в Верхней Силезии).

Третья группа силезцев представлена силезскими немцами, которые предпочитают отождествлять себя с немецким государством и культурой. Как бывшим гражданам Германии или их потомкам немецкое законодательство даёт им право на немецкий паспорт, что, несомненно, влияет на их выбор национальной идентичности. Можно было бы объяснить, что выбор немецкого варианта идентичности осуществляется исключительно по экономическим соображениям, однако культурные аспекты проблемы самоидентификации также играют достаточно важную роль. Для многочисленных силезцев контакты с польской культурой, с переселенцами из центральной и восточной Польши, и с польским коммунистическим государством в период с 1945 по 1990 г. составили отрицательный опыт, который парадоксально укрепил их в своей немецкой идентичности [23].

Несмотря на то, что исторический регион Силезия затрагивает пять польских воеводств, идентифицируют себя с силезцами в основном в Силезском (85,3 %) и немного в Опольском воеводствах (12,6 %).

Силезцы — первое по численности этническое меньшинство страны, проживающее компактно на территории исторического региона Силезии (современные территории Силезского и Опольского (Верхняя Силезия) и Нижнесилезского воеводства, части Великопольского и Любушского воеводства и Тешинская Силезия в современной Чехии). По переписи 2011 г. силезцами назвали себя 809 тыс. чел. (из них 362 тыс. чел. указали её как единственную национальность)³, тогда как перепись 2002 г. выявила только 173 тыс. Многие из числа сменивших идентичность, вероятно, демонстрируют не принадлежность к силезскому этносу, а принадлежность к региону, т. е. речь идёт о возможном формировании особой региональной идентичности силезцев Польши.

Регион Верхней Силезии за время своей истории входил в состав различных государств. Силезия входила в состав Чешского королевства (до 999 г.), затем была в Польском королевстве (до 1146 г.), вновь в Чешском королевстве (до 1526 г.), в империи Габсбургов (до 1740 г.), в Прусском королевстве и Германской империи (до 1918 г.). Во многом благодаря этому данный регион выделяется на фоне других исторических и административно-территориальных единиц в составе Польши. На Верхнесилезском плебисците 1921 г., где решался вопрос о территориальной принадлежности Верхней Силезии, большинство (59,5 %) высказалось за нахождение в составе Германии. Но так как осталась существенная часть населения (преимущественно польского происхождения), несогласная с большинством, Лига Наций разделила регион между республикой Польской (как Силезское воеводство со столицей в г. Катовице со статусом автономии) и Германией (как провинции Нижняя и Верхняя Силезия), удовлетворив требования двух сторон. Несмотря на то, что польская часть Силезии занимала только 29 % от всего исторического региона, Польшу устроил подобный раздел, т. к. большинство угольных месторождений располагалось именно на этой территории [7]. Нахождение в составе Польши до Второй Мировой войны помог региону избежать процесса реполонизации в послевоенный период.

После 1945 г. большая часть региона вошла в состав Польши, в составе которой целиком до этого практически не бывала. Значительная часть немецкого населения Силезии либо погибла в годы войны, либо было изгнано позднее польскими властями, и заменено переселенцами из других регионов Польши, выходцами из Вос-

³ Перепись 2011 г. позволяла дать один или два ответа о национальности.

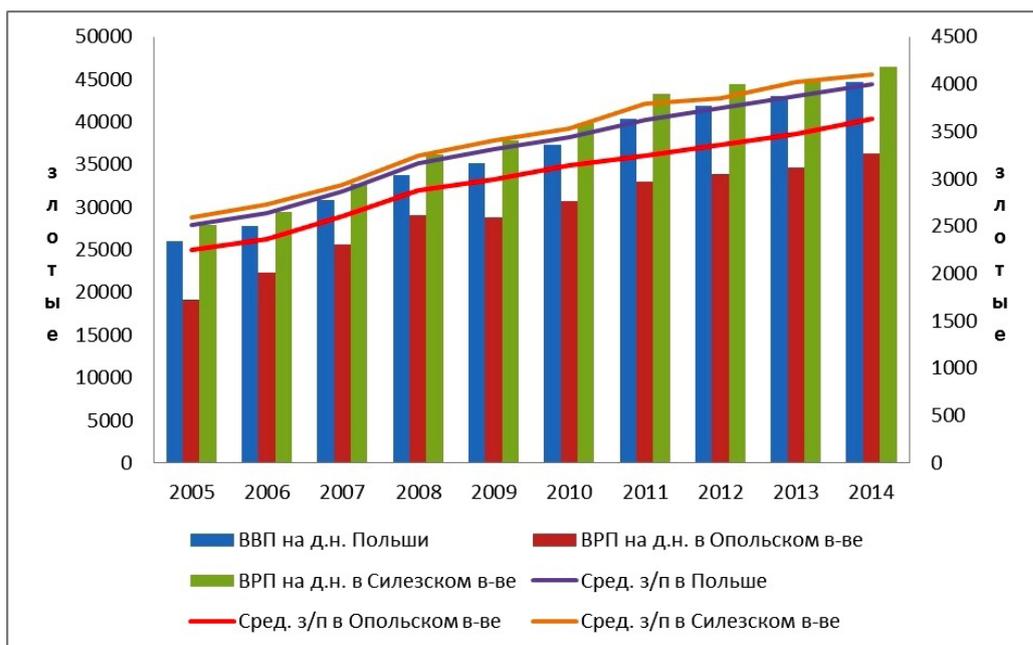
точных Кресов (территорий Западной Беларуси и Украины), в основном поляками и украинцами. Были полонизированы названия большинства городов, деревень, природных объектов (например, Бреслау стал Вроцлавом, Каттовиц стал Катовицами, Гляйвиц — Гливицами и т. д.). Однако немецкое наследие в Силезии сохранилось, в первую очередь, в достаточно высоком потенциале экономического развития, например в плотности автомобильных и железных дорог.

Несмотря ни на что, немцы до сих пор проживают на территории региона, в основном в Опольском воеводстве, всего около 110 тыс. чел. по данным переписи населения 2011 г., что меньше чем по предыдущей переписи 2002 г. на 44 тыс. чел. Возможно, столь резкое падение численности немцев в регионе произошло как раз из-за смены идентификации на силезцев. Тем не менее, присутствие немцев находит отражение и в течении регионального политического процесса через функционирование различных общественных организаций и партий, например, такой как «Немецкое меньшинство», которая выступает за большую самостоятельность региона. Партии немецкого национального меньшинства традиционно имеют широкую поддержку в Опольском воеводстве (около 15 % в местном сеймике), а партия «Немецкого меньшинства» традиционно представлена в национальном Сейме 1–2 депутатами (для организаций этнических меньшинств 5 % барьер не действует).

Борьба за расширение автономии (прежде всего, культурной) силезского меньшинства началась в 1990 г. с образования «Движения за автономию Силезии». В 2016 г. автономисты, в лице лидера организации Ежи Горжелика, обратились к президенту Польши А. Дуде с требованием восстановления Силезской автономии (лозунг «Автономия-2020») в виде собственного правительства и казначейства, изменения налогового законодательства в отношениях с Варшавой. Другой политической силой, выступающей за особые права региона, является «Союз населения силезской национальности». Их требования не столь радикальны и сводятся к увеличению самостоятельности в вопросах европейской интеграции, которая позволила бы объединить исторический регион «Силезия» в рамках соответствующего еврорегиона [10].

Одним из аргументов автономистов является более развитое экономическое положение региона, в реальности же оно выражено только в Силезском воеводстве, а Опольское воеводство по основным показателям серьёзно уступает даже среднепольским показателям (см. рис. 5). Экономика региона долгое время специализировалась на добыче каменного угля, но кризис в отрасли и ужесточение экологических норм ЕС, привёл к закрытию множества шахт на территории Силезии [8]. В результате в Силезии в данный момент один из самых высоких в стране уровней безработицы — 9,9 % по состоянию на 2015 г. Таким образом, шахтёры Силезии потеряли традиционный для себя вид деятельности, что привело к недовольству центром, выраженного в антиправительственных акциях протеста в Катовице, и наложением профессиональной шахтерской идентичности на силезскую и формированием здесь специфической территориальной социально-политической общности [1].

Ещё одной целью силезцев является придание силезскому языку статуса регионального языка. Таким статусом обладает кашубский язык, но все инициативы силезского движения блокируются польским правительством. В случае получения такого статуса регион мог бы рассчитывать на существенные дотации от центра на образовательные цели (как получают кашубы).

Рис. 5. ВРП на душу населения и средняя заработная плата в Силезском и Ополском воеводствах в сравнении со среднестрановыми показателями в 2005–2014 гг.

На местных выборах в Силезском воеводстве «Движение за автономию Верхней Силезии» довольно успешно выступает с 2002 г., когда партия хоть и не попала в сеймик, но набрала заметные 4,2 %. В 2006 г. результат был немного улучшен — 4,4 %, а уже в 2010 г. практически удвоен (8,5 %) и позволил получить 3 депутатских мандата. На выборах 2014 г., несмотря на снижение доли голосов (7,2 %), партия получила 4 мандата. На общенациональных выборах в XXI в. «Движение за Силезию» участвовало лишь однажды в 2015 г. и получило небольшую поддержку (около 1 %) только в Силезском воеводстве, в целом по стране — 0,12 %.

Регионализм Силезии подкрепляется не только компактным расселением силезского субэтноса и немцев, но и высокой долей населения, так или иначе связанного с угледобычей. Успешность «Движения за автономию Силезии» может спровоцировать другие регионалистские движения в Польше, особенно в Кашубии и Поморье, поэтому правительство Польши очень сдержанно относится к инициативам силезских регионалистов.

Выводы

Значительные трансформации пространственных структур польского общества были результатом внутренних системных преобразований, наложившихся на изменения мировой экономической системы. Если в начале постсоциалистического пути развития эндогенные изменения имели первостепенное значение, то в последнее десятилетие благодаря открытию экономики страны, её включению в структуры Европейского Союза, миграциям и деятельности транснациональных корпораций — экзогенный процесс набирает обороты.

Длительный период раздела Польши, когда польская территория стала периферией трёх империй, по сути является генетическим фактором, во многом объясняющим современную политико-географическую структуру общества. В последней декаде XX в. Польша, как и другие бывшие коммунистические страны, пережила важный сдвиг в своей ориентации на доминирующий центр. Перестав быть периферией социалистического лагеря, зависящей от Москвы, Польша во многом стала периферией для Европейского Союза. Политика страны, а также её региональная структура активно преобразуются в результате этих фундаментальных (особенно институциональных) изменений.

Анализ электоральных процессов продемонстрировал определённую стабильность избирательного поведения поляков, которое несколько меняется от одних выборов к другим, но эти колебания не так драматичны, как произошедшие за последние два десятилетия «революции» в социально-экономическом измерении. Так как социально-экономический аспект транзита польского государства меняется гораздо быстрее, чем предпочтения электората, эти колебания заставляют избирателей корректировать свои политические предпочтения на последующих выборах, но это не обязательно означает, что предпочтения избирателей значительно меняются. Вероятно, мы имеем дело с устоявшейся политической идентификацией польских избирателей, которые руководствуются при осуществлении выбора рациональными принципами и основаниями актуальными в период конкретной электоральной кампании.

Пример Верхней Силезии на мезоуровне демонстрирует схожие тенденции, что и Польша на макроуровне. Эта территория всегда была периферией в составе обоих государств, где культуры, в т. ч. и политические, Польши и Германии встречались и конкурировали за одно и то же население. Таким образом, местный региональный контекст Верхней Силезии сформировал здесь целостную специфическую политико-культурную среду.

Литература

1. Аксёнов К. Э. Пространство и политика. Концептуальные подходы к изучению особой предметной области (препринт научного доклада). СПб.: ТООТК «Петрополис», 1993.
2. Василенко И. А., Абассы М. Роль политических ценностей в процессе модернизации: опыт России и Польши // Власть. 2013. № 1. С. 38–43.
3. Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / Под ред. Л. Н. Шишлиной. М.: Весь мир, 2010. 563 с.
4. Кузнецов А. В. Региональная экономическая политика Польши // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 11. С. 68–77.
5. Лейн Д. Социально-экономические итоги трансформаций в постсоциалистических странах // Мир России. Социология. Этнология. 2016. № 4. С. 7–29.
6. Литинский А. Политические партии и партийная система в условиях посткоммунизма. Казус Польши // PolitBook. 2014. № 2. С. 113–134.
7. Лыкошина Л. С. Национальные меньшинства в контексте политического развития Республики Польша // Восточная Европа: Межгосударственные и этносоциальные отношения в XXI в.: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Игрицкий Ю. И., Шаншиева Л. Н. М., 2016. С. 81–107.
8. Лыкошина Л. С. Силезский сепаратизм? // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 139–153.
9. Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты: Сборник статей // Под ред. С. П. Глинкиной, Н. В. Куликовой. М.: Институт экономики РАН, 2016. 332 с.
10. Попов А. А. Концепция «Европы регионов» как фактор национальной дестабилизации (к вопросу о специфике регионального сепаратизма в Польше в 1990-е гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. Вып. 17. С. 31–33.

11. Постсоциалистический мир: итоги трансформации / Под общ. ред. С. П. Глинкиной: в 3 т. СПб.: Алетейя, 2017. Т. 1. Центрально-Восточная Европа / Отв. ред. Н. В. Куликова, 428 с.
12. Результаты трансформации в странах Центральной и Восточной Европы (общественно-политический и экономический аспекты) / Отв. ред. Н. В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2013. 392 с.
13. Свиридова М. В. Региональные различия в Центральной и Восточной Европе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11–6. С. 1113–1119.
14. Свиридова М. В. Трансформационные процессы в России и странах Центрально-Восточной Европы в 1990–2000-х гг. // Региональные исследования. 2008. № 5. С. 57–70.
15. Стемпель-Кучинска А., Люльковский А. Э. Выборы в парламент Республики Польша в 1989–2011 гг. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 6. С. 53–72.
16. Тарасов И. Н. Выбор формы правления как институциональная проблема посткоммунизма: опыт стран Центрально-Восточной Европы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1 (6). С. 83–94.
17. Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса. Ч. I / Отв. ред. Б. П. Гуселетов. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. 142 с.
18. Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса. Ч. II / Отв. ред. Б. П. Гуселетов. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. 116 с.
19. Czyz T. Application of the potential model to the analysis of regional differences in Poland. *Geographia Polonica* 75 (1), 2002. P. 13–24.
20. Hartshorne R. Geographic and Political Boundaries in Upper Silesia, “Annals of the Associations of American Geographers”, 1933. Vol. 23. P. 195–228.
21. Korcelli P. Regional patterns in Poland's transformation: the first five years. *Zeszyty IGiPZ PAN* 34, Warszawa, 1995.
22. Powers D. V., Cox J. Echoes from the Past: The Relationship between Satisfaction with Economic Reforms and Voting Behavior in Poland // *The American Political Science Review*. 1997. Vol. 91. N 3. P. 617–633.
23. Wodz K., Wodz J. Dimensions of Silesian Identity. *Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego*, Katowice, 2006.
24. Национальная избирательная комиссия Республики Польша. [Электронный ресурс]: URL: <http://pkw.gov.pl>
25. Центральный статистический офис Республики Польша. [Электронный ресурс]: URL: <http://stat.gov.pl>

Об авторах

Зиновьев Андрей Станиславович — старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии, Институт наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: a.zinovyev@spbu.ru

Туров Никита Леонидович — аспирант, кафедра мирового хозяйства, географический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: nikitaturov@yandex.ru

Голиков Андрей Валерьевич — студент, кафедра мирового хозяйства, географический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: avg1993smol@yandex.ru

**POST-SOCIALIST CHANGES IN THE POLITICAL
AND GEOGRAPHICAL STRUCTURE OF POLAND**

The process of social and political transit began in Poland in 1989 with the collapse of the world socialist system, as well as in other countries of Central and Eastern Europe. Gradually a new regional geography began to form, cities and districts appeared, which can be called “winners” and “losers” from post-socialist transformation. Changes in the spatial structure of Polish society were the result of internal systemic transformations, overlapping with the transformation of the world economic system. Interregional differences in Poland are distinguishable in two dimensions: western — eastern regions and the largest urban agglomerations — rural areas. This study made it possible to identify the socio-cultural determinants of electoral behavior in Poland. It was shown that the speed of institutional and economic transformations is high and these fluctuations compel voters to adjust their political preferences to a new formal system. However, changing their preferences, voters demonstrate the ideological stability of their political predilections. This stability is manifested in the reproduction of the massive bases of support for presidential candidates from the two leading parties — “Right and Justice” and “Civil Platform” — and, more importantly, in a spatial value-ideological orientation that demonstrates the West-East gradient of the split in the minds of voters. Separately, the phenomenon of Upper Silesia was analyzed and a conclusion was drawn that in the process of a complex politico-geographical history of the region's development, a specific value system developed, which formed a special regional political culture.

Key words: *post-socialist changes, political and geographical structure, transit, eurointegration, west-east gradient, electoral behavior, Poland, Upper Silesia.*

About the authors

Andrey Zinovyev, Senior Lecturer, Department of Economic and Social Geography, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: a.zinovyev@spbu.ru

Nikita Turov, PhD student, Department of Geography of World Economy, Geographical Faculty, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: nikitaturov@yandex.ru

Andrey Golikov, student, Department of Geography of World Economy, Geographical Faculty, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: avg1993smol@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 25.09.2017 г.